

ГАСТРОЛЬНОЕ ЛЕТО

ИСКАТЬ
И НАХОДИТЬ

Оценивая работу любого театра, оценивая каждую постановку, мы невольно соизмеряем вокальное и сценическое решение того или иного образа современными певцами с их предтечами, с творчеством тех, кто заложил фундамент замечательных традиций, в основе которых лежат высокий профессионализм и постоянный поиск.

Ярким носителем этих традиций предстал в спектаклях Свердловского академического театра оперы и балета, заканчивающего сегодня гастроль в Иркутске, певец Александр Шабуньо. Еще четыре года назад, во время первых гастролей театра, А. Шабуньо с большим успехом исполнил партию Бориса Годунова в бессмертной драме Мусоргского.

Борис по праву является жемужиной в коронах величайших басов, именно в этом образе добивались они высшего сплава пения и сценического рисунка. Но не отнесешь эту партию к числу запетых, ибо образ, созданный гением поэта и композитора, настолько многогранен, настолько сложен, что представляет артисту поистине неограниченные возможности. Являясь вершиной русского басового репертуара, Борис — серьезнейший экзамен, без большой вокальной и сценической подготовки, без актерского и жизненного опыта трудно, а точнее, просто невозможно передать все богатые оттенки этого образа. Каждый штрих, каждая музыкальная фраза, каждая пауза таит в себе не только глубокий смысл, но и являясь решающими мазками в той картине, что создает художник. Уже первая фраза Бориса — «Скорбит душа» — звучит диссонансом в общем хоре, она подготавливает зрителя к трагедии, передает мятущийся и глубинный характер царя — убийцы, царя — мудрого государственного деятеля, царя — нежного и любящего отца.

А. Шабуньо играет и поэт Бориса сдержанно, всячески избегая картинных поз и демонстрации богато заложенных в голос певца вокальных данных. Эта сдержанность идет не от боязни перед широкой программой, предложенной композитором певцу, не от жадности, в хорошем смысле этого слова, когда певец желает прибегнуть к силе «на потом», чтобы блеснуть голосом в заключительной сцене. Борис в исполнении Шабуньо — образ, решенный во многих аспектах и предельно убедительно.

За четыре года, прошедших со времени первых гастролей, к певцу пришла подлинная зрелость. И хотя все так же прекрасно звучит голос, по-прежнему интересно отработаны мизансцены, но появилось в его игре и пении то, что обычно зовем мы высшим критерием творчества, — мастерство. «Скупость» образа Бориса идет от понимания задач, поставленных перед собой. И не случайно у артиста бывает «в глазах темно» в сценах сумасшествия и смерти, не случайно напряженное ожидание зала. Это А. Шабуньо наэлектризовал зрителей, и они буквально затаив дыхание вслушиваются в глухие, похожие на рыдания последние слова Бориса.

Успех спектакля «Борис Годунов», давно и по праву украшающего афишу уральского театра, вместе с А. Шабуньо делая дирижер — заслуженный деятель искусств РСФСР и ТАССР К. К. Тихонов, режиссер — заслуженный деятель искусств РСФСР М. Л. Минский, исполнитель партии Шуйского заслуженный артист РСФСР Г. Зелюк и другие ведущие мастера свердловской оперы.

Для самого артиста постановка Бориса — это экзамен, и с каждым представлением растет его успех. Многообразие партии ставит перед певцом все новые и новые задачи. Успех сегодня является залогом завтрашней работы, и вот эта неисчерпаемость образа заставляет искать все новые и новые краски, искать подлинное, свое. Александр Шабуньо очень часто находит, с каждым годом образ становится ярче и рельефнее. Вот почему певец является в театре одним из тех, кто заставляет сопереживать слушателя вместе с ним, а значит, и помогает постигать огромный пласт драматического психологизма.

Путь к опере, к театру, к образу Бориса Годунова у А. Шабуньо не был простым. Первые уроки он получил у родителей. Возможно, его судьба сложилась бы более благоприятно, если бы не война, сиротское детство, потом суворовское и командное учи-

лища. Там в художественной самодеятельности и запел А. Шабуньо.

В классе профессора В. М. Луканина, в оперной студии Ленинградской консерватории молодой артист получил хорошую «школу», приобрел артистические навыки, которые впоследствии стали истинным артистизмом, так свойственным каждой партии в исполнении А. Шабуньо.

Широкие возможности представились для исканий шесть лет назад, когда А. Шабуньо пришел в Свердловский театр, где встретил заинтересованное и внимательное отношение со стороны дирижеров и режиссеров, поддержку партнеров по спектаклям. Творческий рост артиста был обусловлен также его постоянным поиском, совершенствованием вокального и драматического мастерства. Самостоятельные певческие уроки, занятия живописью, искренняя любовь к

нельзя не выделить А. Шабуньо (Томский), Г. Зелюка (Челябинский), В. Огновенко (Сурин).

В Томском артист уверенно передает аристократизм графа, его внутреннюю усмешку, которой полны и расназ «о трех картах» и знаменитая «играющая». Томский для Шабуньо — поиски вокального и сценического. Каждый спектакль — новый штрих, углубляющий и полнее раскрывающий образ. Вступление в баритональный репертуар таит в себе большие возможности, техническая подготовленность певца позволяет ему добиваться успеха там, где, казалось бы, все предопределено глотом против. Томский многоликий, он весел и беззаботен, насмешлив и надменен. Все эти черты переданы убедительно, со знанием эпохи героя.

«Фауст» — один из самых цельных спектаклей, показанных на гастролях. В нем заняты отличные вокалисты Г. Зелюк, Н. Украинский, М. Васильева, Н. Иванова и другие. Мефистофель в исполнении А. Шабуньо сказочен. Нет рога того черта, нет нарисованной — есть дух, соответствующий замыслу Гете и Гуно. Костюм, грим передают внешние черты оборотничьего сатаны. Не страшилище, а обаятельный дьявол на сцене, и ему веришь, ибо только под такие чары могли попасть и Фауст и Маргарита. Броский, яркий танцевальный образ рисует А. Шабуньо. Целая программа образа звучит в куплетах, значительно заклинание. А сколько сарказма в серенаде! Мефистофель исполнен весь на высокой артистической ноте.

Конечно, гастроль наложила свой отпечаток на спектакль. Действие в первой картине перенесено из погреба на площадь. От этого особенно много потерял Мефистофель, исчезла привычная обстановка, и куплеты прозвучали талантливым соло, без того обыгрыва каждой детали, на какой способен певец. Слабости удачного спектакля, на наш взгляд, кроются в некоторой статичности хора, мужская половина которого у свердловчан пока выглядит бедновато и бедновато.

Так получилось, что опера уральцев открылась «Борисом Годуновым», а закончила гастроль в Иркутске спектаклем «Севильский цирюльник». Успех Бориса А. Шабуньо отмечался и раньше, а вот исполнение роли величайшего плута и лжеца, сребролюбца Базилио явилось настоящим откровением для всех поклонников оперы. Вот на сцене Базилио. Страшный. Все шаржировано до предела, все впечатляет. Шабуньо не играет, не поет, он живет на сцене и своим вдохновением зажигает партнеров. Я не хочу противопоставлять артистов, в спектакле были заняты лучшие силы театра, но именно с появлением Базилио (А. Шабуньо) постановка вышла из рамок заурядности. Разыгрался поначалу вяловатый Н. Голышев (Фигаро), распелся А. Жилкин (Альмавива), а в Розине (Н. Паздникова) появилась столько обаяния и привлекательности, что сразу веришь обольстительной красавице, сумевшей свести с ума не только блестящего графа Альмавиву, но и престарелого Бартоло. Бурная овация была достойной наградой артистам.

Пересказывать действия Базилио — неблагоприятная затея. Это нужно видеть, нужно слышать «Балладу о клевете». Думается, что на сегодняшний день это одна из наиболее совершенных партий Александра Шабуньо.

С сожалением приходится отмечать, что и хороший оперный гастрольный репертуар не смог полностью удовлетворить вкусы иркутян. Один спектакль «Борис Годунов», отсутствие «Хованщины», «Дон Карлоса», «Пиковые дамы» сузили представление об ярком артисте свердловской оперы. Но все это суждения частного порядка. Представленное на суд иркутского зрителя было талантливо исполнено, с подлинным вкусом, мастерством и вдохновением.

Счастливы театр, имеющий такого солиста!

В. ИВАШКОВСКИЙ.

литературе определяли направление этого поиска. Артист не довольствовался сегодняшним успехом, он шел вперед, осваивая все новые и новые партии, добиваясь яркой выразительности и глубины. Как для всякого подлинного артиста, для А. Шабуньо нет маленьких ролей, в любой, даже крохотной партии, он находит что-то свое, тот самый волшебный штрих, что преобразует его героя и наполняет образ живым, неповторимым светом.

В период гастрелей певец исполнил две небольшие по объему партии Раффиса в «Аиде» и Коллена в «Богеме». Раффис сложен для певца тем, что буквально разбросан по всей опере «кусочками». Вроде бы абсолютно невыигрышная роль. Но артист в образе верховного жреца Египта величествен, в нем ощущается могучий, деспотичный и жестокий характер. Интонация, жесты, грим найдены точно, голос звучит мощно, и Раффис не теряется в галерее образов Верди.

Или философ Коллен в мелодраматичной «Богеме», струящийся тонким лиризмом Пуччини. А. Шабуньо применяет здесь прием от противного. Философ — да, влюбленный в книгу — да, но ведь он парижский студент. И вот Коллен — весельчак, Коллен — доброе и щедрое сердце. Шабуньо с присущей ему пластичной рисует точный по рисунку образ.

На сцене Свердловского театра А. Шабуньо спел свыше тридцати партий. Это почти все основные роли отечественного и зарубежного репертуара. Последние годы певец все чаще выступает в самых сложных партиях, представляющих особый интерес и трудности для высокого баса. Это Руслан, Игорь и Томский. Гастрольная афиша включала в себя «Пиковую даму» П. И. Чайковского. Следует оговориться сразу, что постановка свердловчан весьма неравноценна и прежде всего вызвана она отсутствием в театре (да и не только в Свердловском) яркого певца на партию Германа. Спектакль получился особенно при первой постановке в Иркутске) обедненным, но